

Альф Граннес (Берген)

Морфосинтаксическое варьирование в объектном предикативе в русском литературном языке XIX века.

[...] привести его ко мне *живого*
или *мертвого*, *связанным*
или *несвязанным*. (Писемский II,
576)

1. Морфосинтаксическое варьирование в адъективном и причастном объектном предикативе

1.1. Падежное варьирование

Объектный предикатив (ОП) - это второстепенный член предложения, который находится в зависимости одновременно и от сказуемого, и от прямого объекта. Конструкция с ОП включает три члена: глагольное сказуемое, прямой объект (О) и ОП. Если ОП является прилагательным, местоимением или причастием, оно согласуется в числе и роде с О. Но такой ОП не всегда согласуется с О в падеже: наблюдается морфосинтаксическое варьирование между первоначальным падежным согласованием О и ОП ($\approx$ второй винит., второй родит. $\approx$ accusativus duplex, genitivus duplex) и выделением ОП при помощи творительного падежа:

Они нашли его *мертвого* // *мертвым*.

В дальнейшем термин "второй винительный" будет обозначаться также "второй родительный".

1.2. Краткая или полная форма

В XIX в. еще спорадически наблюдается варьирование между *краткой* формой винительного, с одной стороны, и *полной* формой винительного и творительного, с другой:

Они нашли его *мертва* / *мертвого* / *мертвым* -
Они нашли его *спяща* [?] / *спящего* / *спящим*.

2. Эссивные и транслативные конструкции

Применяя термины и категории, заимствованные из финно-угорской падежной системы, конструкции с ОП можно разделить на эссивные (ЭК) и транслативные (ТК).

2.1. Эссивная конструкция

В ЭК (как и в соответствующих финских конструкциях с падежом эссивом) ОП является факультативным и характеризует состояние объекта в момент, когда глагольное действие происходит, но состояние не является результатом действия:

Они нашли его // мертвым $\approx$ He löysivät hänet // kuolleenä (kuollut - 'мертвый', эссив: kuolleenä).

2.2. Транслативная конструкция

В ТК (как и в соответствующих финских конструкциях с падежом транслативом) состояние или характеристика О является результатом глагольного действия и ОП может быть или факультативным (//) или обязательным (/):

Они построили дом // двухэтажным $\approx$ He rakensivat talon // kaksikerroksiseksi (kaksikerroksinen - 'двухэтажный', транслатив: kaksikerroksiseksi);

Они сделали его / счастливым $\approx$ He tekivät hänet / onnelliseksi (onnellinen - 'счастливый', транслатив: onnelliseksi).

Степень обязательности ОП может быть различной. В ТК мы включаем также ОП при "глаголах мысленного или произносимого присуждения какого-нибудь качества" (Adames 1975, 26):

Они нашли его / глупым $\approx$ He pitivät hänet / tyhmäksi (tyhmä - 'глупый').

(Здесь транслатив употребляется только в старом финском языке и в диалектах, в современном литературном языке употребляется эссив: tyhmänä).

Они называли его / г л у п ы м ≈ He nimittävät hänet / t y h ä -
k v i.

3. Периодизация русского языка XIX в. и использованные источники

Новый литературный русский язык формировался в XVIII в. и стабилизировался в первой трети XIX в. Сделав обзор грамматических норм литературного языка конца Пушкинского периода, Флекенштейн (1983, 226) заключает, что "[...] die kurze Darlegung des Standes der Normen Ende der dreißiger Jahre zeigte, daß sich zu diesem Zeitpunkt die heute noch gültigen Normen im wesentlichen Zügen herausgebildet hatten".

Проанализированные источники начинаются поздними письмами Державина (1743-1816) с начала XIX в. и кончаются письмами Чехова (1860-1904) по 1899 г. К первой трети века относятся тексты Державина, Нарезного (1780-1825), Пушкина (1799-1837) и частично Жуковского (1783-1852) и Одоевского (1803-1869).

В указанных в конце статьи изданиях проанализированы все произведения в п р о з е (за исключением драматургических). Помимо романов, повестей и рассказов в источниках значительное место занимает личная переписка писателей.

4. Отмирающее варьирование кратких и полных форм

Глинкина (1968, 115) утверждает, что краткие формы в ОП вышли из употребления уже в первой половине XVIII в., но на примере прозы Фонвизина и Радищева показано (Grannes 1986, 177), что еще во второй половине XVIII в. они широко (около 1/3 примеров) применялись в литературном языке как примета "высокого стиля". В диалектном языке употребление кратких форм прилагательных в ОП, "хотя с большими ограничениями, продолжается и поныне" (Потебня 1958, 307).

4.1. Причастные конструкции типа Они нашли е г о с п л я щ а.

Конструкции с действительным причастием, отражающие церковнославянские и греческие модели, видимо, весьма рано стали восприниматься как книжные (Зелепукина 1973, 97), а краткие формы вышли из употребления во второй половине XVIII в. (Grannes

1984, 23). Показательно, что в исследованных текстах XIX в. среди 272 примеров не имеется ни одной краткой формы действительного причастия. Указания на употребление краткой формы отсутствуют и в использованных специальных исследованиях.

4.2. Конструкции, в которых ОП является прилагательным или страдательным причастием: Они нашли его *ж е р т в а / у б и т а*

4.2.1. Женский род ед. ч.

На выбор формы влияет род и лексическое значение прилагательного, как отмечается в *Русской грамматике*, АН СССР, т. II, Синтаксис, М. 1980, 143:

При употреблении слов *живой, здоровый, целый, невредимый* и некоторых других в формах жен.р. в вариативный ряд по старой литературной норме, сейчас утрачивающейся, вступает краткая форма прилагательного в вин.п. [...] Еду в дом тетушки. Нахожу ее едва *живу* (Дост.: *едва живой, едва живую*). (Достоевский I, 232).

Подробный анализ большого корпуса текстов, в том числе 30 томов полного собрания сочинений Достоевского, показывает, что процитированная в академической грамматике краткая форма ж.р. является уникальной в языке Достоевского и вообще не характерной для литературного языка XIX в. (См. Чернобривец 1982, 88). Мною отмечен единственный аналогичный пример из сочинений Пушкина:

Карл [...] чуть не попался в плен и имел под собою лошадь *у б и т у* (Пушкин X, 120),

однако Пушкин здесь, видимо, передает дословно предложение из источника XVIII в. (И. Голиков, *Деяния Петра Великого*). Булаховский (1954, 332) приводит еще одну форму:

[...] которая умела и за гробом *ж и в у* оставить себя [...] (И.М. Долгорукий [1764-1823], *Журн. путеш. из Москвы в Нижн. в 1813 г.*).

4.2.2. Мужской и средний роды и мн. ч.

Кроме формы ж. рода *живу*, у Достоевского и Некрасова в более или менее устойчивых словосочетаниях зафиксированы следующие формы м. рода от указанных выше характерных прилагательных:

Ну, вот-с теперь продолжать начну: притащил он *меня*, если запомнить изволите, в чайную ни *жива* ни *мертва*; [...] (Дост. II, 11).

Форма употребляется в народно-разговорном контексте в ранней повести *Ползунок* (1848-49); в таком же контексте отмечена краткая форма в романе Некрасова *Три страны света* (1848-49):

[...] проломал чудовищу голову, глаза выколол и пустил его *жива*, - что, дескать, будет? (Некр. IX:1, 466, в речи персонажа).

Из произведений Гоголя (1809-52) Чернобровец (1982, 90) цитирует:

Вошедшие нашли его едва *жива*.

Отмечены также единичные примеры мужского рода в языке писателей старшего поколения:

[...] поверг его *бездыханна* на землю (Держ. VI, 442);

[...] оставили [меня] на улице еле *жива*. (Нареж. I, 451);

Я привез его *здрав и невредим*. (Пушкин XV, 96). ‡

Хоть бы быть уверенным, что вас-то застану *целыми и невредимыми*. (Дост. XXX, 116).

Кратких форм среднего рода не отмечено.

В исследованном корпусе отмечено всего 6 ЭК, в которых адъективный ОП употребляется в краткой форме; это лишь 2.21% всех примеров. Итак, в первой трети века варьирование кратких и полных форм имеет весьма спорадический характер, а во второй половине века вовсе не отмечается. Многовековая трихотомия: краткая / полная форма винительного / творительный - уже в первой трети XIX в. практически заменилась существующей до сих пор дихотомией: полная форма винительного / творительный.

5. Падежное варьирование

5.1. Варьирование в транслативной конструкции?

Во второй половине XVIII в. наблюдается отмирающее падежное варьирование в ТК. В прозе Радищева примеры с винительным еще составляют около 10% (Grappes 1986, 177):

И лeсть и ласкательство соделают его / глуха, слепа и неосязательна. (Пут. I, 52; Grappes 1986, 174-175).

Однако в языке XIX в. творительный полностью вытеснил винительный в ТК.

5.2. Эссивная конструкция

5.2.1 Обособленное прилагательное /причастие или ОП?

На трудность отграничения адъективного и причастного ОП от определения и обособления указывали разные исследователи (Потебня 1958, I-II, 308; Глинкина 1968, 122). Обособленные прилагательные и причастия в речи выделяются интонационно, а в тексте - пунктуационно и согласуются в падеже с определяемыми словами:

[...] нечистый дух [...] никогда не может вынести, если ее, бо́льшую, подведя к дарам, наклонят пред ними. (Дост. XIV, 44);
Когда ее, полузамерзшую и изнеможенную от нравственной муки, отнесли [...]. (Чехов II 292).

[В болгарском языке разница в глубинной структуре между обособленными прилагательными и причастиями с одной стороны, и ОП с другой, проявляется в поверхностной структуре по-другому: адъективный или причастный ОП является всегда нечленным (Стоянов 1980, 189), напр:

[...] жи́в да ме остави на покаяние. (Дост. Братя Карамазови. Сб. соч. в десет тома, т. 10, София 1960, 240) ≈ [меня] жи́во го на покаяние отпустили-с (Дост. XV, 136-137)

- а некоторые обособленные определения (Стоянов 1980, 182) выступают в членной форме, напр.:

Пусталото конче се насилва и ето че той почва да го бие, бeззaщитно то, по разплаканите, по "кротките очи". (Дост. Братя

Карамазови. Собр. соч. в десет тома, т. 9, София 1960, 293) ≈ Клячка рвется, и вот он начинает сечь ее, беззащитную, по плачущим, по "кротким глазам". (Дост. XIV, 219)].

Употребление творительного предикативного в контактном положении с местоименным дополнением, но пунктуационно отделенного от него, не отмечено: они нашли его, *ранеными и страдающим. Пост-позитивные определения к О в текстах встречаются редко. Они согласуются в падеже с определяемыми словами:

Но ведь и крокодилов живых не привозил до сих пор [...]. (Дост. V, 192) ≈ "He has, however, brought no living crocodiles so far". - "He has, however, so far, not brought the living crocodiles" ≠
Но ведь и крокодилов живыми не привозил до сих пор ≈ "He has, however, so far, not brought (the) crocodiles alive".

В дальнейшем изложении исключаются и многочисленные обособленные и малочисленные постпозитивные определения; учитываются исключительно ОП, не отделяемые пунктуационно от О:

Павла Павловича подвели к этому заведению две дамы совершенно пьяного; [...] (Дост. IX, 60) ≠
[...] нечистый дух [...] никогда не может вынести, если ее, больную, подведя к дарам, наклонят пред ними. (Дост. XIV, 44).

Чтобы оперировать в дальнейшем как можно более структурно сравнимыми примерами, мне придется исключить из анализа, наряду с большим количеством примеров с винительным падежом, 20 примеров творительного предикативного, пунктуационно отделенного от О:

[...] - тяжело до отчаяния видеть свое произведение, которое любил, над которым потратил труд, здоровье, лучшие силы душевные, - запрещенным от недоразумения [...]. (Дост. XVIII, 124).

5.2.2. Отсутствие варьирования, если в ОП выступает слово один в значении прилагательного.

Если слово один открывает цепочку прилагательных или причастий, составляющих ОП в ЭК, то всегда наблюдается падежное согласование:

И ты мог ее оставить одну, больную! (Дост. III, 281).

Хотя падежное варьирование наблюдается даже внутри одной и той же конструкции (ср. 5.2.3.), я не располагаю примерами типа:

[...] ее оставить одну, *больной.

5.2.3. Варьирование в эссивной конструкции

На материале прозы Фонвизина и Радищева установлено, что во второй половине XVIII в. винительный падеж составляет 87% и творительный - 13% примеров в ЭК (Grappes 1986, 177). В течение XIX в. конструкции со вторым винительным продолжают вытесняться, с одной стороны, конструкциями с творительным:

Они видели его // уже мертвого → мертвым,

с другой стороны, особенно в причастных конструкциях, разными придаточными предложениями:

Они видели его // работающего-работающим ≈

Они видели, как / что он работал; они видели его, когда он работал.

Ср. также:

Они видели его уже мертвого-мертвым ≈

Они видели его, когда он был уже мертвым.

В истории ЭК замена винительного творительным сыграла, однако, второстепенную роль по сравнению с заменой всей конструкции разными придаточными предложениями. О неустойчивости употребления падежей в ОП в прошлом веке красноречиво свидетельствуют 8 примеров падежного варьирования (2.94%) даже внутри одной и той же конструкции:

[...] он вдруг его увидел сидящим в кресле, хотя с изнеможенным (sic) от слабости, но с бодрым и веселым лицом, окруженным гостями и ведущего с ними тихую и светлую беседу. (Дост. XIV, 257);

Дай бог тебя увидеть здоровою, детей целых и живых!
(Пушкин XV, 150)

(ср. также пример из сочинений Писемского в начале статьи).

Низкая частота употребительности ЭК в текстах любого периода (ср. Grappes 1984, 24-25) значительно затрудняет анализ морфосинтаксического варьирования и легко ведет к "импрессионистическим" выводам. Данное исследование основано на большом корпусе текстов, но при строгом отборе структурно сравнимых конструкций (ср. выше ОП ≠ обособленное определение ≠ постпозитивное определение) число примеров ЭК редуцировалось до 272 [включая 6 ЭК, в которых адъективный ОП употребляется в краткой форме (ср. 4.2.2), но исключая 4 ЭК, в которых слово один открывает цепочку прилагательных или причастий, составляющих ОП (ср. 5.2.2.), и 8 примеров падежного варьирования внутри одной и той же конструкции (ср. 5.2.3.)].

5.2.3.1. Характеристика трех членов ЭК: Глагольное сказуемое (Г), О и ОП.

Г: Никольс (1985, 356) правильно считает глагол "[...] одним из наиболее важных факторов, определяющих падеж предикативного имени". В моих текстах в составе 272 примеров ЭК употребляется 57 разных переходных глаголов, из которых 38 встречаются только раз, а глаголы (у-)видеть (зреть) и найти составляют больше половины (53.68%) всех примеров. Как показывает нижеследующий обзор глагольных сказуемых в ЭК, творительный употребляется преимущественно с глаголами видеть, найти, застать и оставить. Употребление творительного подчеркивает обнаружение, раскрытие состояния или качества О в момент действия.

а) Преобладают глаголы восприятия: у-/ слышать, слышать, заметить, приметить, и прежде всего глагол у-/ видеть (зреть), употребляющийся в более чем 1/3 всех ЭК (34.56%):

[...] когда я увидела вас плачущую, отчаивающуюся, с трепетом с часу на час ожидающую неумолимой нищеты [...].
(Некр. VII, 181). /
[...] и вдруг, увидев всех плачущими, залилась слезами [...].
(Дост. XIV, 507).

Как и в современном языке (Nichols 1981, 269), преобладает творительный падеж: Т-56 $\approx$ 59.57% / В-38 $\approx$ 40.43%, и в большинстве случаев ОП является причастием.

б) Другие глаголы обнаружения состояния или признака. По количеству примеров ЭК (52 или 19.12%) второе место, после глагола *у- / видеть*, занимает глагол *найти / находить* в значении 'застать, обнаружить в каком-н. состоянии':

[...] позваны были к атаману и нашли его *леж а щ е го* на кожаном тюфяке [...] (Нареж. II, 569) / -

Мы нашли его *леж а щ и м* на полу [...]. (Дост. XIV 416).

Соотношение между падежами почти то же самое, что и в случаях с глаголом *видеть*: Т-32 $\approx$ 61.54% / В-20 $\approx$ 38.46%. В текстах XX в. Никольс (1981, 268) отмечает только творительный с этим глаголом (в значении 'застать').

Семантически близкими к глаголу *найти / находить* являются глаголы: *застать / заставить, встретить / встречать*:

Был в Москве Короленко и застал меня *с т р а ж д у щ и м* (Чехов, Письма IV, 318). /

Когда я вошел [...], то застал Версилова *д о к а н ч и в а в ш е го* какую-то длинную тираду [...]. (Дост. XIII, 176).

Никольс (1981, 268-69) полагает, что в языке XX в. падежное согласование наблюдается чаще с глаголом *застать*, чем с глаголами *находить* и *встречать*, но мои тексты XIX в. дают основание для противоположного вывода: Т-22 $\approx$ 95.65% / В-1 $\approx$ 4.35%.

в) Отмечено сравнительное большое число примеров с глаголом *оставить / оставлять*, при котором также явно преобладает творительный: Т-19 $\approx$ 90.48% / В-2 $\approx$ 9.52%:

[...] убежал, оставив *всех п о т р я с е н н ы м и, и з м у ч е н н ы м и*. (Дост. II, 45). /

[...] оставили [его] на улице *е л е ж и в а*. (Нареж. I, 451).

Употребление творительного характерно также для языка XX в.: "Instrumental only" (Nichols 1981, 234).

г) Глаголы со значением доставления: *нести / носить, вести / водить, вести / возить* с приставками, *доставлять, поволочить, послать, отослать, возвращать*:

Ее внесли *рыдающую* на креслах [...]. (Писем. II, 287);
[...] Берестов возвратился домой [...] *ведя* своего противника *раненым* и почти *военнопленным*. (Пушкин VIII:1, 118).

Творительный отмечен при глаголах *вести, возвращать* и *послать*, но в группе явно преобладает винительный В-23 $\approx 88.46\%$ / Т-3 $\approx 11.54\%$.

д) Глаголы, выражающие разные "преступные или карательные действия": *арестовать, обыскать, пытаться, резать, убить, мутузить, топить, сжечь, зажарить, схватить*:

Его арестовали в [...] доме терпимости и *нетрезвого*. (Дост. X, 512);
Стали его *пытать голодного*, несколько дней *не евшего*. (Пушкин X, 23).

Во всех 12 примерах с этими 10 разными глаголами употребляется винительный падеж.

е) Семантически малооднородные глаголы *физической деятельности*: *повергнуть, отпустить, пустить, хранить, класть, держать, брать, достать, поднять, вынимать, изжарить (мясо)*:

-[...] он меня *босоногую* взял, когда меня родные из избы *вышвырнули*. (Дост. IV, 114). /
[...] брат *Иванова* [пьеса] "*готовым*". (Чехов, Письма III, 147).

Здесь преобладает винительный падеж: В-16/Т-5; творительный отмечен с глаголами *брать, держать, хранить*.

ж) Глаголы *разной семантики*: *купить, иметь, знать, показывать, припоминать, потерять, пожалеть, любить, целовать, повенчать, выучивать, ждать*:

Карл [...] *чуть не попался* в плен и имел под собою *лошадь* *убитую*. (Пушкин X, 120). /

[...] Талбаку хочется иметь живым своего врага [...]. (Некр. IX :1, 458).

Соотношение следующее: В-8/Т-7; творительный отмечен при *купить, иметь, знать, показывать, припоминать, потерять*.

О: Доконова (1963, 57) отмечает, что в ЭК чаще всего в функции О встречаются личные и возвратные местоимения. В моем материале этот тип О составляет 60.29%.

ОП: К адъективным ОП причислены также местоимения такой, какой, употребляющиеся в исследованном корпусе исключительно в творительном (9 примеров $\approx$ 3.31%). Если эти местоимения стоят в начале цепочки, то это благоприятствует употреблению творительного в последующих прилагательных или причастиях, подобно тому как наличие слова *один* в этой же позиции благоприятствует падежному согласованию (ср. 5.2.2.):

[...] я увидел себя таким, как я теперь, ровно через пятнадцать лет, *постаревшим*, в той же комнате, так же *одиноким* [...]. (Дост. II, 141).

Следующие прилагательные или причастия, указывающие на физическое состояние О и частично входящие в устойчивые выражения, употребляются особенно часто не только в моем корпусе, но и в других текстах XIX в. (см. Доконова 1963, 56), и в древнерусском языке (см. Чагишева 1971, 29): *(полу)-живой* и *(полу)-мертвый* (употребленные отдельно или вместе, составляют 13.97% всех примеров), *(полу)лежащий, сидящий, стоящий* (7.35%) *здоровый, больной* (4.78%, особенно с глаголом *застать*), *(не-, полу)запертый, отпертый, отворенный, открытый* (4.41%, особенно с *О дверь*), *пьяный, нетрезвый* (3.94%). Как сравнительно часто используемые отмечены также: *раненый, целый и невредимый, усталый, одетый, готовый сонный, пьяный, связанный*. В большинстве случаев ОП обозначает не постоянное качество, а временное состояние О. Употребление творительного подчеркивает обнаружение, раскрытие состояния или качества О в момент действия.

5.2.3.2. Причастный ОП, относящийся к местоименному О.

Ковтунова (1964, III, 418) утверждает, что к середине XIX в. винительный "вышел из употребления" в ЭК, если в качестве О выступает местоимение, а в роли ОП выступает [действительное] причастие. Такие конструкции, как: *Я видел его спящего*, вытеснились: а) прежде всего придаточными предложениями типа: *Я видел, что (как) он спал*, но и также, б) "частично [...] творит. предикативным" (Ковтунова 1964, III, 417):

[...] *видя вас прогуливающимся [...]*. (Дост. II, 52).

Ковтунова (1964, III, 417) даже пишет, что "после 20-х годов XIX в. случаи, подобно приведенным выше [*Я видел его спящего*] встречаются уже крайне редко (см., напр., у Достоевского, склонного к употреблению архаических конструкций [...])". Без учета местоименного О Чернобровец (1982, 88) отметил, что с середины XIX в. вытеснение винительного творительным произошло быстрее в причастном ОП (с действительными причастиями), чем в адъективном ОП.

В моих текстах конструкции с местоименным О и причастным ОП [действ. причастие наст. вр.] составляют лишь 12.13% всех ЭК, и в них преобладает второй винительный: В-18 $\approx$ 54.55% / Т-15 $\approx$ 45.45%. [В "цепном" ОП (см. 5.2.3.1, 5.2.3.4.) встречаются иногда и причастие и адъектив. В таких случаях принадлежность к причастному или адъективному ОП в подсчетах определяется первым элементом цепочки]. Конструкции с местоименным О и причастным ОП встречаются не только в произведениях Достоевского, но и у Державина, Нарежного, Лермонтова, Писемского и Некрасова. Однако показательно, что и в восьми томах переписки (1875-1899), и в двух томах ранних художественных произведений Чехова (1860-1904), самого позднего писателя, представленного в нашем корпусе, не отмечено ни одной конструкции с ОП в винительном падеже, а отмечено 5 примеров конструкции с творительным:

А вы не сердитесь, когда видите меня дезертирующим из "Осколков" [...]. (Чехов, Письма I, 132).

Такие же конструкции, но с действительным причастием прошедшего времени, встречаются редко, составляя лишь 2.21% всех ЭК.

5.2.3.3. Порядок слов в ЭК.

ЭК, состоящая из трех компонентов, проявляется в неодинаковой мере во всех шести возможных комбинациях:

Г + О + ОП:

[...] видел дверь отворенною [...]. (Дост. XV, 162). /
Пушкин, увидя его падающего [...]. (Жук. III, 500).

Чагишева (1968, 211) пишет, что уже в древнерусском языке "это наиболее стабильное сочетание". В текстах XIX в. оно представлено в почти 3/4 (73.53%) примеров. При таком порядке слов преобладает творительный падеж: Т-123 $\approx$ 61.50% / В-77 $\approx$ 38.50%.

Чагишева (1968, 211) упоминает, что в древнерусском языке возможна следующая "перестановка", представленная и в текстах XIX в.:

О + Г + ОП:

Жену мою нашел я здоровою [...]. (Пушкин XV, 3). /
Сидора нашли едва дышащего. (Нареж. II, 534). - 12.13%

(После каждой комбинации приводится пример и указывается процентное распределение разных комбинаций). Интересно, что при таком порядке слов явно преобладает винительный: В-25 $\approx$ 74.76% / Т-8 $\approx$ 24.24%.

Чагишева (1968, 211) указывает, что уже в древнерусском языке "второй винительный [или ОП в творительном п.] обычно [находится] в конце [трехчленного] словосочетания, исключения редки", но они отмечены и в текстах XIX в.:

О + ОП + Г:

тебя живого отпустили! (Пушкин VIII:1, 329). /
[...] я дверь нарочно отпертою и оставляю [...]. (Дост. VIII, 408) - (7.35%).

Преобладает винительный: В-18 $\approx$ 90.00% / Т-2 $\approx$ 10.00%.

Г + ОП + О:

Увидав отворенною эту дверь [...]. (Дост. XIV, 410) - 2.94%.

При этом порядке слов только творительный может выражать предикативное отношение к субстантивному О; падежное согласование выражало бы (в тексте) атрибутивность.

ОП + О + Г:

Разве мертвого меня отсюда привезут в Россию [...]. (Остров. XI, 157). /

[...] не таким его ожидала встретить [...]. (Дост. VI, 165) - 2.21%.

ОП + Г + О:

Словно мертвую отнесли мы их в мессонин [...]. (Писем. II, 363) / [...] каким боялся найти его [...]. (Дост. XIV, 257) - 1.84%.

5.2.3.4. Факторы, обуславливающие варьирование.

Первым и решающим фактором является отнесенность конструкции к эссивному или транслативному типу (как известно, в XIX в. варьирование сохранялось только в ЭК). Ограниченность материала (272 ЭК), диахронический аспект (см. 3) и индивидуальные расхождения в употреблении у разных писателей (Зелепукина 1973, 98-99) не позволяют делать достоверные выводы о всех факторах, обуславливающих выбор падежа в ЭК, а также определить их относительную важность. Поэтому ниже факторы приводятся не в порядке иерархии:

а) Ч и с л о: При анализе 272 ЭК обнаружен не отмеченный раньше в научной литературе фактор, влияющий на выбор падежа ОП, а именно ч и с л о. При О и ОП во мн. ч. (такие примеры составляют 17.28% всех ЭК) явно преобладает творительный в ОП: В-9 $\approx$ 19.14% / Т-38 $\approx$ 80.85%. Примеры с винительным отмечены главным образом у писателей старшего поколения: Державина, Жуковского и Пушкина.

б) П о р я д о к с л о в: При "нормальном" порядке слов, т.е. Г + О + ОП, преобладает, как показано (5.2.3.3.), творительный падеж; Т-123

≈ 61.50% / В-77 ≈ 38.50%, а при "перестановках": О + Г + ОП и О + ОП + Г - винительный: В-25 ≈ 74.76% / Т-8 ≈ 24.24% и В-18 и 90.00% / Т-2 ≈ 10.00%.

в) Ч а с т и р е ч и: Как известно при определительных местоимениях сам, весь и при слове один в значении прилагательного возможен только винительный, а при местоимениях такой и какой мною в текстах отмечен только творительный. В корпусе в целом преобладает творительный (см ниже); но если ОП является действительным причастием настоящего времени, то чаще встречается винительный падеж: В-25 ≈ 54.35% / Т-21 ≈ 45,65% (см. ниже 5.2.3.2.).

г) Г л а г о л: Как указано (см. 5.2.3.1.), при глаголах восприятия и обнаружения состояния видеть и найти примеры с творительным в ОП составляют около 60%, а при глаголах заставить и оставить больше 90%, но с другими группами глаголов, напр. с глаголами со значением доставления, явно преобладает винительный падеж.

Для языка наших дней Никольс (1985, 361) упоминает, помимо глагола и ряд других факторов. Ниже приводятся некоторые из них, но с примерами из моего корпуса текстов XIX в:

д) Р о д: "Прилагательные женского рода в ед. числе легко согласуются" (Никольс 1985, 358). Это явление наблюдается в текстах XIX в., где примеры в женском роде составляют 30.88%. В них преобладает винительный: В-47 ≈ 55.95% / Т-37 ≈ 44.04%. Этот тип, однако, мало отличается от примеров в мужском роде, составляющих примерно половину (49.27%) всех ЭК, где также наблюдается небольшой перевес винительного: В-69 ≈ 51.49% / Т-65 ≈ 48.51%. Зато в среднем роде преобладает творительный, но примеров этого типа слишком мало (2.57%) для достоверных выводов: В-1 ≈ 14.29% / Т-6 ≈ 5.71%.

е) С т и л ь: " [...] более низкий стиль [...] благоприятствует падежному согласованию" (Никольс 1985, 361). Следующие примеры из сочинений Достоевского иллюстрируют стилистическую разницу: -

Да она же померла. М е р т в у ю повечеру-то нашли. [реплика на народном языке] (Дост. IV, 173);
-Дверь-то Григорий Васильевич о т п е р т у ю видели-с, после этого как же-с. [Смердяков, говорящий на народном языке]. (Дост. XV, 47). †

- Да, но Григорий видел дверь *отворенною*, [...] [адвокат, говорящий на литературном языке]. (Дост. XV, 162);
- [...] видеть ее [дверь] прежде тебя *отворенною*? [Иван Карамазов, говорящий на литературном языке]. (Дост. XV, 65);
Увидав *отворенною* эту дверь, все [...] забоялись [...] [авторский текст]. (Дост. XIV, 410).

Однако на основании изученного мною корпуса текстов не представляется возможным определить закреплённость рассматриваемых падежных конструкций за различными жанрами (частная переписка, роман, повесть и т.п.).

ж) **Н а к л о н е н и е**: "Изъявительное наклонение благоприятствует согласованию; остальные наклонения - творительному падежу" (Никольс 1985, 365):

[...] подождём смерти Марии и выдадим ее тем воронам *мертвую* [...]. -О, если бы она была мертвой! *Живую* я ее не выдам, нет! Но я выдал бы ее *мертвой*! (Чехов I, 114-115).

з) **О т р и ц а н и е**: "Во всех конструкциях наличие отрицания явным образом благоприятствует форме творительного падежа" (Никольс 1985, 365). В моих текстах при отрицании творительный также преобладает (75%) в ЭК: Т-12/В-4:

[...] я не видал ее *борющуюся* с болезнью [...]. (Нареж. I, 89).

и) **Ц е п о ч к а** прилагательных и причастий: Никольс (1985, 374) утверждает, что "цепочка, состоящая из двух или большего числа сочиненных предикативных прилагательных, благоприятствует согласованию". Однако материал XIX в. не дает оснований для такого вывода: в ЭК с "цепным" ОП творительный и винительный употребляются в примерно одинаковом количестве: В-17/Т-16. Другие факторы, как число, отрицание и/или наличие местоимений такой, какой в начале цепочки, являются, вероятно, более сильными:

[...] никогда еще я не видал ее более *радостною*, беспечно *веселую* и *счастливою*;

[...] я еще не видал ее *такою* *осторожною*, даже почти *робкою* и так *конфузящеюся*. (Дост. XIII, 414).

6. Какой же падеж был преобладающим в XIX в.?

Широко распространен взгляд, согласно которому преобладающим и даже нормативным уже в XVIII в. (Георгиева 1968, 92; Пешковский [1914] 1938, 332; Сухотин 1953, 224; Прокопович 1964, 242; Чагишева 1971, 35) или, по крайней мере, в первой половине XIX в. стал творительный падеж. Так, Борковский (1963, 370) утверждает, несколько категорически:

"Несмотря на сравнительно большое число примеров со вторым винительным падежом имени прилагательного (и причастия) в произведениях первой половины 19 века, нормой в это время было употребление творительного падежа".

Однако Зеленукина (1973, 99), предполагает, что замена второго винительного творительным не имеет "[...] того всеобъемлющего характера и значения, какое обычно ему приписывается в научной литературе".

И действительно, анализ 272 примеров ЭЖ, выявленных в большом корпусе текстов XIX в., показывает, что при общем подсчете соотношение между падежами составляет практически 1 : 1, с минимальным перевесом творительного: 146 примеров, или 53.68%. Даже если к этим примерам добавить те 20, что были устранены из анализа по методологическим причинам (см. 5.2.1.), то и тогда остается очевидным, что процесс замены винительного падежа творительным протекал значительно медленнее, чем утверждает в большинстве исследований.

* Хочу выразить признательность за полезные замечания относительно моей статьи преподавателю Московского университета К.Б. Ключковой, доценту Рижского университета В.Б. Крысько, профессору университета в Халле (ГДР) К. Флекенштейн и профессору Монреальского университета И. Мельчуку.

Т е к с т ы

Гончаров, И.А. [1812-91], *Собрание сочинений в восьми томах*, т. VIII, М. 1980.

- Державин, Г.Р. [1743-1816], *Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота*, т. VI, *Письма, Записки*, (from the 19th c.), СПб. 1871.
- Достоевский, Ф.М. [1821-81], *Полное собрание сочинений в тридцати томах*, т. 1-30, М. 1972-88.
- Жуковский, В.А. [1783-1852], *Сочинения в трех томах*, т. III, *Художественная проза, критика, письма*, М. 1980, 339-551.
- Лермонтов, М.Ю. [1814-41], *Собрание сочинений в четырех томах*, т. IV, *Проза, Письма*, М.-Л., 1962.
- Нарежный, В.Т. [1780-1825], *Избранные сочинения в двух томах*, М. 1956.
- Некрасов, Н.А. [1821-77], *Полное собрание сочинений и писем в пятнадцати томах*, т. VII-IX: 1, М. 1983-84.
- Одоевский, В.Ф. [1803-69], *Сочинения в двух томах*, М. 1981.
- Островский, А.Н. [1823-86], *Полное собрание сочинений*, т. XI-XII, *Письма*, М. 1979-1980.
- Писемский, А.Ф. [1820-81], *Сочинения в трех томах*, М. 1956.
- Пушкин, А.С. [1799-1837], *Полное собрание сочинений*, т. I-XVI, М. 1937-59.
- Толстой, Л.Н. [1828-1910], *Война и мир*, *Собрание сочинений в двенадцати томах*, т. IV-VII, М. 1973-74.
- Фет, А.А. [1820-92], *Сочинения в двух томах*, т. II, *Рассказы. О поэзии и искусстве, Письма*, М. 1982.
- Чехов, А.П. [1860-1904], *Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах*, *Письма в двенадцати томах*, т. I-VIII [1875-99], М. 1974-80.
- Чехов, А.П., *Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах*, *Сочинения в восемнадцати томах*, т. I-II [1880-84], М. 1974-75.

Библиография

- Adames, P.: 1975, *Очерк функционально-трансформационного синтаксиса современного русского языка: (II. Двухбазовые предложения с нефинитными К-структурами)*, Universiteta Karlova v Praze, Fakulteta Filozofická, Praha.
- Борковский, В.И., Кузнецов, П.С.: 1963, *Историческая грамматика русского языка*, Москва.
- Булаховский, Л.А.: 1954, *Русский литературный язык первой половины XIX века: Фонетика, Морфология, Ударение, Синтаксис*, Москва.
- Георгиева, В.Л.: 1968, *История синтаксических явлений русского языка*, Москва.
- Глинкина, Л.А.: 1968, 'Вторые косвенные падежи', *Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков* (под ред. В.И. Борковского), 96-150.
- Грамматика современного языка*, АН СССР (отв. ред. Н.Ю. Шведова), Москва. 1970.
- Grannes, A.: 1984, 'Short form adjectives and participles as facultative objective predicatives in 18th century Russian', *Russian Linguistics* 8, 17-25.
- Grannes, A.: 1986, 'The morphosyntactic variation of adjectives and participles as objective predicatives in late 18th century Russian (on the basis of Radiščev's and Fonvizin's prose)', *Russian Linguistics* 10, 167-81.
- Граннес, А.: 1988, 'Прилагательные в функции объектного предикатива в истории русского языка', *Развитие частей речи в истории русского языка: Межвузовский сборник научных трудов* (Отв. ред. Л.И. Немцова), Рига, 36-42.
- Доконова, О.М.: 1963, 'Из наблюдений над употреблением конструкций со вторым винительным падежом в языке писателей XIX-XX веков', *Уч. зап. МОПИ 139, Труды кафедры русского языка*, вып. 9, 51-60.

- Зелепукина, Л.А.: 1973, 'Конструкция с двойным винительным в русском литературном языке I половины XIX века', *Преподавание русского языка в высшей и средней школе (Материалы лингвистического семинара "Актуальные вопросы преподавания русского языка в высшей и средней школе")*, Рязанский ГПИ, Рязань, 96-99.
- Ковтунова, И.И.: 1964, 'Изменения в системе осложненного предложения', *Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века* (под ред. В.В. Виноградова и Н.Ю. Шведовой), т.3, *Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX века*, 369-482.
- Nichols, J.: 1981, *Predicate Nominals: A Partial Surface Syntax of Russian*, Berkeley, Los Angeles, London.
- Никольс, Дж.: 1985, 'Падежные варианты предикативных имен и их отражение в русской грамматике', *Новое в зарубежной лингвистике* XV, 342-87.
- Пешковский, А.М.: [1914] 1938, *Русский синтаксис в научном освещении*, Изд. 6-е, Москва.
- Потебня, А.А.: 1958, *Из записок по русской грамматике*, Москва.
- Русская грамматика* (гл. ред. Н.Ю. Шведова), т. II, Синтаксис, АН СССР, Москва, 1980.
- Стоянов, С.: 1980 *Грамматическата категория определеност в българския език*, София.
- Сухотин, В.П.: 1953, 'Глагольные словосочетания с винительным падежом в прозе М.Ю. Лермонтова', *Материалы и исследования по истории русского литературного языка*, III, Москва.
- Чагишева, В.И.: 1968, 'О втором винительном падеже имени прилагательного и причастия в истории русского языка', *Уч. зап. ЛГПИ* 324, *Труды по русскому языку*, 98-116.

- Чагишева, В.И.: 1971, 'История простых предложений с предикативными падежами имен (на материале русских памятников XI-XVIII вв.)', Автореф. дисс. на соиск. уч. степени д-ра филолог. наук, 37 стр.
- Чагишева, В.И.: 1978, 'Вторые косвенные падежи', *Историческая грамматика русского языка* (под ред. В.И. Борковского), 119-47.
- Чернобривец, С.Г.: 1982, 'Формирование средств выражения члена предложения с двойной связью в русской художественной речи XIX-XX веков', *Русское языкознание*, вып. 3, 85-91.
- Чеснокова, Л.Д.: 1973, 'Конструкции с творительным предикативным или его эквивалентами и система членов предложения в современном литературном языке', Автореф. дисс. на соиск. уч. степени д-ра филолог. наук, 39 стр.
- Eckert, P., Crome, E, Fleckenstein, Ch.: 1983, *Geschichte der russischen Sprache*, Leipzig.